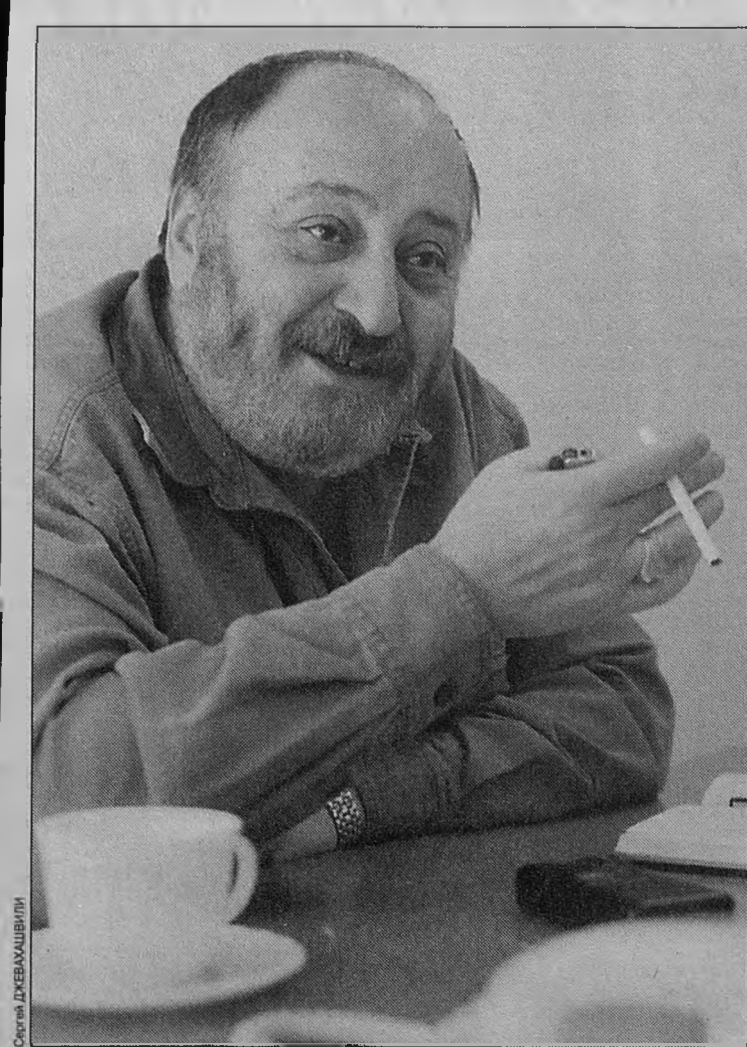

Светлана ДУКОВАШВИЛИ

Наша встреча со знаменитым автором «Желова и Шарапова» имела место в неброском, но импозантном особнячке на одной из заповедных Тверских-Ямских. В таком нешумном улочкам гуляют влюбленные студенты, не замечая ничего окрест, кроме милого веснушчатого шнобеля напротив. А между тем это на таких вот неприметных улицах в подъездах валяются вещественные доказательства, а в окно ненароком выставлен горшок с кактусом, способный многое сказать даже самому захудалому нелегалу. Подобные уловки как будто созданы для конспиративных манипуляций и агентурных инсинуаций. Никаких опознавательных знаков на фасаде особняка, доступ «строго по пропускам». Пронизывающий до пяток взгляд охраны, после которого сразу хочется сдаться. Словом, интрига закручивалась уже на подступах к дому. Что неудивительно, поскольку шли мы в гости не к кому-нибудь, а к самому «брату» Вайнеру — Георгию.

Виктор ГАЛАНТЕР

Я — бомж

Георгий Александрович, вопрос без околичностей: где мы сейчас находимся?

— Мы находимся в офисе инвестиционной компании, я даже точно не знаю, как она называется. Они занимаются анализом и регулированием финансовых потоков в нашем обществе и вообще в финансовом мире.

— Понял! Теперь ваш рабочий кабинет — на пересечении мировых финансовых потоков!

— У меня своя интерпретация: поскольку они исходят из идеи, что не хлебом и деньгами единым жив человек, но нужно по возможности поощрять и глохнущую склонность, то они меня здесь приютитили.

— А что на дому не работается?

— На дому скорее отдыхается. — А где сейчас ваш дом? Брат ваш Аркадий Александрович, известный «московский озорной гуляка», завсегда дай всевозможных светских тусовок. А вас, Георгий Александрович, совсем не видно, не слышно.

— А это потому что дом мой — небольшая такая территория под названием земной шар. Вы не введете публику в заблуждение, если напишете, что я — бомж. Бомж — это же не обязательно грязный, оборванный, пьяный маргинал. Например, русский человек, американский гражданин Набоков тоже был бомж — по душевным склонностям. Большую часть жизни обитал в швейцарской гостинице. Я живу в Москве, у своих друзей в Нью-Йорке, в Париже, бываю в Израиле. При первой возможности стараюсь повидать мир, познакомиться с людьми. Потому что, к сожалению, все так быстро проходит... Может, это возрастная штука, но все чаще возникает, я бы сказал, событийная ностальгия. Остается бездна непрочитанных книг, которые я никогда не успею прочитать. Прекрасных женщин, с которыми я никогда не успею познакомиться и полюбить их. Есть бездна нереализованных дружб. Есть ненаписанные книги... Время так мимолетно! Нам выпало счастье жить во время беспокойное, насыщенное событиями, которые делают его еще быстрее. И если раньше нам казалось в силу прекрасной молодой безответственности: ах, десять лет — целая вечность, то теперь это — миг.

В моем новом романе герой задает вопрос — практически всем, навскидку: какова длина человеческой жизни в днях? А вот вы знаете, Виктор?

— Боюсь, без калькулятора не обойтись.

— А никто не знает! Никто не думает такими категориями. А ужас состоит в том, что «долгий» человеческий век в семьдесят лет — это меньше двадцати пяти тысяч дней! Если отбросить бессмысленное детство, распад и атрофию чувств в старости, недоразумения, неприятности, посягательства, поиски своего места плюс сон, который отбирает у нас вообще треть жизни, остается чепуха.

— Что до «атрофии чувств», то у вас, судя по всему, даже отдаленных симптомов этого недуга не просматривается. Не бывает желания, вместо того чтобы в очередной раз нестишься сломя голову в «Щереметьево-2», прилечь на софу с бокалом «Алазани», расслабленно уперев взгляд, скажем, в «Дарьял-ТВ»?

— Ату вас! У меня такое ощущение, будто я мальчик, которого в первый раз привели на праздничную елку! Все еще только начинается! И идея о том, что свечи погашены, пора всем по местам, меня ужасает. Разница между молодостью и старостью, по сути, определяется только одним критерием: люди в возрасте начинают понимать, что праздник кончается. (Сурово, «по-пацаны» осерчав) Елка бы-удет закрыта.

— Поскольку вы большую часть времени проводите за границей, можно предположить, что новый ваш роман вы написали...

— Сам! К сожалению, ничем не могу подкормить желтую прессу, к которой ваша почтенная газета никоим образом не относится... Не могу сообщить ничего обнаделяющего — кровавого и зубодробительного: как у нас с Аркадием от рождения отношения были братские, дружеские, так они сохраняются и по сей день. Существует иллюзия, будто соавторы — это такой двуглавый орел в единой плоти. Мы достаточно самостоятельные, самостоятельные и довольно даже разные люди. Аркадий, например, затрачивает титанические усилия на упомянутый вами телеканал, который они декларируют с дочерью, моей племянницей Наташей Дарьяловой.

— Вы никак не участвуете?

Живая натура

Евангелие от брата Георгия

Вег. Macabe. — 1999. — 150 стр. — 0.7

«И сегодня я — мальчик, которого в первый раз привели на праздничную елку!»

— Только как благодарный зритель.

— Наталья начинала карьеру телезвезды в Америке. Дядюшка ей как-то протезировал?

— То, что я мог сделать по предъявлению ее реальных способностей, я сделал. И считаю это святым делом. Но надо знать американское телевидение: по блату, за брата, за свата — ничего не сделаешь. Так что можно считать, что мое участие было чисто фигуральным.

— Вы увидели Америку такой, как в «советских сновидениях»?

— Мы как были страной мифологических конструкций, так и остались, несмотря на крушение «железного занавеса». Миф о невероятной открытости американцев, так же, как и об их несокрушимой деловитости, сильно преувеличен. И там есть брат, сват, заинтересованные деньги, чья-то любовница, чья-то племянница, «очень успешный ребенок очень почтенных родителей, не помочь грех!».

— Улавливаю здесь некоторое противоречие относительно предыдущего вопроса-ответа.

— Никакого противоречия! Мне бы очень не хотелось, Виктор, наврать вам и сказать: я пришел к президенту Эй-би-си и рывнул: «Старичок, посмотри, какая у меня девушка подросла, давай начинай раскрутку!». Мы — новобранцы в другой жизни. Мои 152 вышедшие в мире книги, 20 с лишним фильмов и сериалов в Америке не конвертируются. Или конвертируются немножко, как монгольские тугрики. Пока там я, кроме себя самого как очень хорошего парня, ничего не могу предложить.

— Можно ли утешаться тем, что вы можете предложить нечто более весомое в родных пенатах?

— В отрыве от художественной ценности того, что мы с братом насозидали — в кино, в книгах, — мы достигли единственной привилегии, которую я очень высоко ценю и считаю, что это очень дорогие погонны: наши имена известны практически каждому грамотному человеку в стране. И это невероятные регалии, невероятное счастье!

Миша, еще минуту!

— А есть вариации счастья, присутствие исключительно нашему безалаберному отечеству?

— Мы с братом очень дружили с другими неизвестными братьями — Стругацкими. И вот после обсуждения художественных вопросов (которые, как правило, очень быстро нами решались) начиналась долгая прекрасная пьянка, которую мы называли «полеты». Это было всегда замечательное пиршество. При всей комфортности жизни в Америке я этого там никогда не получу. Потому что никогда мне больше не пировать ни с ушедшим безвременю Аркадием Стругацким, ни с Володей Высоцким, ни с Валерой Фридом... Я не говорю о якобы народном признании (поймите меня правильно, Виктор!), а вот бытовое достижение у меня было одно, мой самый большой недостаток: у меня был самый длинный в Москве обеденный стол в частном доме!

Никогда больше не собрал этого застолья. Это основная боль и тягота моего мироощущения. Потому что некоторые ушли навсегда, некоторые распались — болны, бедны... Даже не столько материально — они себя просто не вписали в этот мир.

Сколько идей рождалось за этим столом! Ненаписанный роман братьев Стругацких-Вайнеров — не уроните диктофон! — «Мертвые души». Володя Высоцкий горел продолжением фильма «Место встречи изменить нельзя», которое он хотел снимать как режиссер. Он же человек стра-

Я не говорю о якобы народном признании, а вот бытовое достижение у меня было одно, мой самый большой недостаток: у меня был самый длинный в Москве обеденный стол в частном доме!

сти невероятной: я сказал! Мучил нас, чтобы мы быстрее писали сценарии. Если помните, в фильме Желов щеголяет в пиджачке курузом, а в петлице — орден Красной Звезды. «Давайте сделаем фильм, за что я получил этот орден!» Не успели — Володя ушел от нас...

— Представьте себе, мне попадалась в руки аудиокассета «Высоцкий в гостях у Вайнеров»!

«Запомни, Шарапов, народ узнает, за что Желов получил Красную Звезду. Я сказал!»

— Как же! Полтора часовая раритет. Понимаете, было столько слето, выпито и рассказано столько сносшибательных рассказов, что никому не приходило в голову это записывать. Ведь мы бессмертны! Володя на пятнадцать дней старше меня... Однажды Высоцкий пришел к нам с женой Мариной и пасынком (ее сыном от предыдущего мужа) Вольдемаром. Мальчику было скучно слушать байки старых барбосов, и он от нечего делать воткнул клавишу магнитофона. Итак, Высоцкий с Мариной, Гарик Каспаров, Чингиз Айтматов... и мы устроили фестиваль невероятных рассказов. Та самая кассета, которая ходит по рукам. Это был такой триумф болтунов и златоустов, что даже присутствовавший там Миша Жванецкий рвался прочитать рассказ, а ему: «Миша, вот сейчас! Еще минуту!». В результате Миша ничего не прочитал. Информация для Книги Гиннесса: на конкурсе тещов Жванецкому не дали прочитать рассказ!

— А о чем рассказал Высоцкий?

— Главный режиссер Малого театра Борис Равенских, у которого Володя одно время что-то такое делал в театре, узнал, что Высоцкого призывают на военные сборы. Равенских схватился за голову: как можно! Ведь вся войсковая часть, куда тебя призовут, дезертирует! Надо было слышать, как он это рассказывал: был ведь человек несостыжной наблюдательности, остроты и быстроты ума... Настоящий народный герой. Это только он мог договориться в блокированной карантинной «холер-

ной» Одессе, где снимали «Место встречи», чтобы нас соединили по межгороду по нужным номерам. Был только один человек в Одессе, которому девушки-телефонистки не могли отказать. Только с ним могли происходить вещи, не подвластные даже нашей высокохудожественной фантазии: у него был «Мерседес», у меня — черная «Волга» с номером 007, но каким образом мы с ним, пьяные, на Беговой попали в 23-й трамвай и приехали на нем к подъезду моего дома, — этого я объяснить не могу. Причем, видимо, впервые в практике московского трамвая по просьбе Владимира Семеновича девушка-вагоновожатая сделала остановку посреди станций маршрута! В общем-то, пустяк: просто надо, чтобы тебя любили двести миллионов человек.

— А если не любят тебя двести миллионов, как быть-то, Георгий Александрович?

— Большинство людей живет несчастливо, их поддерживает только ток любви их родителей и очень ослабленный ток любви их детей. Быстро пересыхающий поток любви их девушек или жен. Человек начинает задыхаться, он ощущает отсутствие этой любви, как нарастающее кислородное голодание. А такие люди, как Высоцкий или Каспаров, они так плодотворны, потому что находятся на бесконечной подпитке незримого волшебного тока любви человеческой. Эта вещь существует, я в это верю.

Думать надо

— А как у вас обстоит дело с волшебными токами?

— Говорить о том, что кто-то меня любит, все равно что говорить: я умный или талантливый. Может, это от ограниченности происходит, но я человек, очень обеспеченный людской любовью. Меня очень мало предавали, редко обманывали. Есть очень мало людей в мире, которых я бы ненавидел. А в основном как-то удается общаться с бездной прекрасных людей. Я, профессиональный ротозей, обязан смотреть внимательно, как ведут себя люди, о чем мечтают, чего хотят, что ненавидят. Запомнить это и написать. И вот вижу, что все

сейчас страдают, даже не от бедности — от ужасного ощущения недоданности счастья. Всем недодали по их заслугам, по их самоощущению в мире, по тому, к чему они были предназначены. Всем не хватает или маленько денег, или чтобы его признали, или показали по телевизору. Чтобы хорошо сложились отношения в ЖЭКе с секретаршей. Те кризисные военные испытания, которые претерпевает многомиллионный народ, вызвали явление, подобное аутизму (психиатрический термин) — погружению в себя. Я вовсе не хочу сказать, что при коммуналках все бежали по улицам с цветами и счастливыми лицами. Но нынешняя жизнь, которая официально провозглашена как «жизнь индивидов», способствует этому самому аутизму, попытке

О новом романе

Мой новый роман — о новых людях, которые пришли в новое время. Я не хотел бы разойтись во времени с этими людьми. Главная проблема — проблема денег. Мы ведь жили вне денег; то, что в Советском Союзе называлось деньгами, было просто талантами на плохое питание и скверную одежду. В наступающем тысячелетии эти люди будут заказывать музыку, определять направление нашей жизни. Я постарался уйти от газетного клишированного изображения злодея, который расхитил все деньги народные. Это не «Критика Готской программы», не финансово-экономическое исследование. Надеюсь, читатели будут достаточно близко введены в правдоподобные декорации действий наших хозяев жизни.

Один из главных героев — типологизированный российский магнат, олигарх. Не мифологизированный шарж, а, надеюсь, художественно полноценный образ. В наступающем тысячелетии эти люди будут заказывать музыку, определять направление нашей жизни. Я постарался уйти от газетного клишированного изображения злодея, который расхитил все деньги народные. Это не «Критика Готской программы», не финансово-экономическое исследование. Надеюсь, читатели будут достаточно близко введены в правдоподобные декорации действий наших хозяев жизни.

Роман Г. Вайнера «Умножающий печаль» выйдет в январе в издательстве АСТ

отъединиться от того, что всех так сильно удручает. А люди должны смотреть не только в курс доллара, но и на звезды.

— Говорят, что писать начинают большей частью не очень счастливые люди.

— О, мы были веселые проходимцы! Я был электротехник, а мой брат — следователь московской милиции. В чистом виде желая улучшить свое материальное положение, решили писать рассказы для специализированных изданий. А вообще-то литературные университеты я начал проходить в «Вечерней Москве».

— ?!

— У вас в редакции был человек по фамилии Волк. Сейчас его уже нет?

— Нет, есть только Марина Зайцева.

— И вот старый газетный Волк поручил мне написать про чистильщиков сапог. Я накатал здоровую прекраснотушную бодягу. Поскольку нельзя было отражать в полной мере правду жизни, обошелся аллюзиями и эвфемизмами. И пошло-поехало: появился наш первый с братом бессмертный опус под названием «Часы для мистера Келли». Произведение вызывало у нас священный трепет, поскольку оценивали мы его в основном по толщине, а было там 500 страниц!

— Вы сказали, что первый ваш стимул к творчеству был материальный, а вот некоторые другие авторитеты утверждают, будто в основе художественных свершений — несчастная первая любовь.

— К сожалению, не могу разделить эту точку зрения, потому что у меня не было ни первых, ни последующих несчастных любовей. Все мои любви были счастливые — вот. Я никогда не обманывал женщин. Когда я с ними знакомился, они мне так нравились, что я на них на всех собирался твердо жениться. Потом, правда, мешали приводящие обстоятельства. Когда, бывает, читаю, какие страшные истории развивались на этой почве, даже завидую: люди прожили драматическую жизнь, а у меня все это было пресно и счастливо.

— Вы примерный семьянин?

— У меня в доме был бы, наверное, кошмарный патриархат, если б моя жена (так она, во всяком случае, меня уверяет) не была так счастлива.

— Вы совсем не даете ей поводов для огорчений?

— Во всяком случае, очень стараюсь, чтобы никогда не возникало для нее информации о поводах для огорчений. И она — умная женщина — понимает: раз уж я прожил с ней столько лет, нажил трех замечательных детей, предан ей навек — куда уж мне гарцевать? Старому облезлому коню. Смотрю, как наши пожилые люди — песок сыплется — особенно поповские: уж так они надуваются! Бабы жрут тайские таблетки, стали похожи на Ленина в саркофаге. Мужики — в париках! (Самозабвенно, упоенно хохочет). Они не могут поверить, что их можно полюбить не только за телесную красоту!

— Женщины вас одаряют вниманием как мужчину-автора? Именно так: через дефис.

— Да-а. Вот вчера. На большой презентации подошла одна популярная певица, интересная вполне женщина, и спрашивает: «Вы автор «Евангелия от палача» Георгий Вайнер?». Я отвечаю, горделиво пританцовывая: «Я!» Протягиваю руку, чтобы поздороваться, а она эту самую руку... целует. Ввергнув меня в такую бездну застенчивости, от которой я не могу отойти до сих пор. Женщине ведь так мало надо, Витя! Нельзя обещать, чего ты не можешь сделать, нельзя лгать, нельзя надушивать, нельзя предавать, нельзя двуручничать, нельзя стучать. Это так тяжело все! Надо просто задуматься над этим. Но многие не успевают задуматься и порождают большие несчастья.